

ПАСКАЛЬ БУАЙЕ

ОБЪЯСНЯЯ РЕЛИГИЮ

ПРИРОДА
РЕЛИГИОЗНОГО
МЫШЛЕНИЯ

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

ЭВОЛЮЦИЯ

Паскаль Буайе

**Объясняя религию. Природа
религиозного мышления**

«Альпина Диджитал»

2001

Буайе П.

Объясняя религию. Природа религиозного мышления /
П. Буайе — «Альпина Диджитал», 2001

ISBN 978-5-9614-4508-4

Откуда берется стремление верить в высшие силы? Как возникают религиозные представления, и отчего вера продолжает играть столь важную роль в жизни человека XXI века? Книга французского антрополога Паскаля Буайе описывает феномен религии с позиций эволюционной психологии. Подоплеку верований и религиозных обрядов ученый находит в принципах работы человеческого сознания. Одну за другой он опровергает распространенные «теории» происхождения религии – она возникла, чтобы объяснять непонятные природные явления и личные переживания, она утешает, она обеспечивает общественный порядок – и раскрывает перед читателем удивительные особенности устройства нашего разума.

ISBN 978-5-9614-4508-4

© Буайе П., 2001

© Альпина Диджитал, 2001

Содержание

1	6
Дать обиталище воздушному ничто	8
Гипотезы происхождения	10
Неожиданное разнообразие	12
Интеллектуальные гипотезы. Разум требует объяснений	16
Сознание как совокупность объяснительных механизмов	18
Эмоционально-ориентированные гипотезы. Религия дает утешение	22
Социальные гипотезы. Религия полезна для общества	25
Религия и общественное сознание	27
Сон разума. Религия как иллюзия	30
Зайти с другой стороны	33
Культура как мемы	35
Инструментарий 1: культура как мемы	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Паскаль Буайе

Объясняя религию. Природа религиозного мышления

Дизайн обложки Ю. Буга

Фото на обложке iStockphoto.com

© Editions Robert Laffont, Paris, 2001

© Издание на русском языке, перевод. ООО «Альпина нон-фикшн», 2016

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Просветительский фонд «Эволюция» основан в 2015 году сообществом российских просветителей.

Цель фонда — популяризация научного мировоззрения, продвижение здравого смысла и гуманистических ценностей, развитие науки и образования. Одно из направлений работы фонда — поддержка издания научно-популярных книг. Каждая книга, выпущенная при содействии фонда «Эволюция», тщательно отбирается серьезными учеными. Критерии отбора — научность содержания, увлекательность формы и значимость для общества. Фонд сопровождает весь процесс создания книги — от выбора до выхода из печати. Поэтому каждое издание библиотеки фонда — праздник для любителей научно-популярной литературы.

Больше о работе просветительского фонда «Эволюция» можно узнать по адресу www.evolutionfund.ru

1

В поисках истоков

Сосед по деревне советует мне носить оберег от колдунов, ведь они мечут невидимые дротики, которые проникают в вены и отравляют кровь.

Шаман поджигает табачные листья перед выстроенными в ряд статуэтками и обращается к ним с речью: им предстоит отправиться в далекое небесное селение и вызволить чей-то рас-судок, который удерживают там невидимые духи.

Группа верующих обходит округу с предупреждениями, что конец света близок – Судный день грядет 2 октября. Но наступает 3 октября – и ничего. Однако верующие по-прежнему предупреждают (только дата меняется).

В ходе специально устроенной церемонии местные жители сообщают богине, что в их деревне ей больше нет места. Она не сумела защитить своих подопечных от эпидемии, поэтому они отрекаются от нее и будут искать более расторопного покровителя.

Собрание священнослужителей находит оскорбительным утверждение определенной категории людей о событиях многовековой давности, согласно которым непорочная дева в дальнем краю произвела на свет ребенка. Соответственно, эта категория людей подлежит истреблению.

Представители определенного культа на некоем острове решают забить весь свой скот и сжечь посевы. Все это им уже ни к чему, ведь в награду за их благодеяния к острову вот-вот пристанет корабль с полными трюмами яств и злата.

Моим знакомым предлагается ходить в церковь или иное уединенное место и обращаться к незримому субъекту, одновременно присутствующему повсюду. Причем этот невидимый слушатель заранее знает, что ему скажут, ведь Он знает все.

Чтобы задобрить всемогущих усопших и заручиться их поддержкой в случае нужды, сообщают мне, необходимо полить кровью живой белой козы землю справа от определенного камня. Но, если взять кровь у козы другой масти или полить другой камень, ничего не получится.

Может быть, вы отмахнетесь от этих зарисовок как от очередных образчиков человеческой глупости. А может быть, сочтете приведенные примеры при всей их иллюстративности (и неисчерпаемости – не на один том хватит) свидетельством непревзойденной способности человека к познанию мира и вселенной. И в том и в другом случае останется много открытых вопросов. Откуда возникают у людей такие мысли? Что побуждает их к подобным поступкам? Чем обусловлены все эти непохожие друг на друга верования? Почему человек предан им так истово? Раньше эти вопросы относились – воспользуемся терминологией Ноама Хомского – к *тайнам* (мы даже не знали, как к ним подступиться), теперь же они переходят в категорию *проблем* – у нас появляется какое-то объяснение. Точнее, его фрагменты. Сразу оговорюсь, чтобы это «у нас» не прозвучало чересчур высокомерно и самонадеянно, оно действительно подразумевает коллективное мнение. Завуалированной попытки придать универсальное значение каким-то личным выкладкам здесь нет. Далее я буду ссылаться на открытия и теории из области когнитивной психологии, антропологии, лингвистики и эволюционной биологии. Все они сделаны и разработаны другими людьми, которые в большинстве своем исследованиями религии не занимались и даже не предполагали, что их труды помогут пролить свет на ее происхождение. Именно поэтому, как бы ни ломались книжные полки от богословских сочинений и научных трудов по религии и ее истории, было бы нелишним добавить к ним еще одно

свидетельство того, что из неразрешимой загадки она превращается в рядовую совокупность сложных, но поддающихся рассмотрению научных проблем.

Дать обиталище воздушному ничто

Подоплеку верований и религиозных обрядов мы будем искать в принципах работы человеческой психики. Психики всех людей, а не только верующих. Человеческой – потому что важны именно свойства, присущие всем представителям нашего биологического вида с нормально функционирующим мозгом. Открытия, на которые я буду ссылаться, универсальны для психики любого человека (мужчины, женщины, британца, бразильца, старого, молодого – неважно).

Казалось бы, довольно странная отправная точка, если мы собираемся разбираться в таком многоплановом предмете, как религия. У разных людей разные верования, кто-то религиозен, кто-то нет. Кроме того, верования различаются территориально. У японских буддистов в религиозном отношении мало общего с амазонскими шаманами или американскими южными баптистами. Как же объяснить многогранный феномен (религия) посредством универсалии (мозг)? Именно этому и посвящена моя книга. Многообразие религии не только не препятствует объяснению через универсальное, но и отчасти служит ключом к разгадке. Однако, чтобы понять, почему так происходит, нам нужно в точности представлять себе, как организовано восприятие и структурирование данных человеческим мозгом.

Устройство мозга довольно долго мыслилось людьми достаточно просто: участки, управляющие системами организма, и огромное пустое пространство, которое с детства постепенно заполняется знаниями, культурным и жизненным опытом. Этот взгляд на вмещилище разума не выдерживал никакой критики, поскольку даже печень и кишечник устроены куда сложнее. Но мы слишком слабо разбирались в процессах развития психики, поэтому нам нечего было противопоставить концепции «чистой доски», на которой оставляют отпечаток жизненные события. Психика напоминала огромные неисследованные территории Африканского континента, которые на старых картах зарисовывались пальмами и крокодилами. Теперь нам известно о ней гораздо больше. Не все, разумеется, но одно уже очевидно: чем больше мы узнаем о когнитивных процессах, тем менее правдоподобной кажется концепция «чистой доски». Каждое новое открытие в области когнитивистики отодвигает эту концепцию как рабочую гипотезу все дальше и дальше.

В частности, уже известно, что вовсе не любое «присущее культуре» убеждение сознание воспринимает с одинаковой готовностью. Мы не «впитываем из окружения», как утверждают некоторые. Это попросту невозможно, поскольку никакой мозг (ни таракана, ни жирафа, ни ваш, ни мой) не мог бы научиться чему бы то ни было, не обладая сложными мыслительными механизмами, настроенными вычленять из общего потока значимую информацию и особым образом ее обрабатывать. Наше сознание приобрело такую способность в ходе естественного отбора, обеспечившего нам определенную психическую предрасположенность. Готовность к восприятию определенных понятий предполагает также готовность к восприятию их вариаций. А это, кроме прочего, означает, как я еще продемонстрирую, что любой человек способен с легкостью воспринять и передать другим определенный *набор* религиозных представлений.

Значит ли это, что религия – нечто врожденное, генетически заложенное? Мне – и большинству интересующихся эволюцией человеческого разума – этот вопрос кажется бессмысленным, и тут важно пояснить почему. Представьте себе какие-нибудь другие общечеловеческие особенности: например, способность подхватить насморк или запоминать разные мелодии. Насморк возникает вследствие наличия у нас респираторных органов, представляющих собой благоприятную среду для разного рода болезнетворных микроорганизмов, в том числе вызывающих простуду. Мелодии мы запоминаем благодаря наличию в мозге области, отвечающей за хранение сочетаний звуков и соответствующей им тональности и длительности. В наших генах ни простуда, ни мелодии не заложены. Там заложен самый сложный набор химических формул

построения нормального организма с респираторными органами и сложными связями между областями мозга. Нормальные гены в нормальной среде дадут вам пару легких и сформированную слуховую кору, а вместе с ними – возможность подхватывать простуды и запоминать мелодии. При этом, если растить нас в стерильной, лишенной музыки атмосфере, мы не сможем делать ни того ни другого. Предрасположенность у нас останется, но она не сумеет реализоваться.

Наличие нормального человеческого мозга еще не означает наличия в психике религии. Оно означает лишь возможность к ней обратиться, а это совсем другое. Психологов и антропологов не зря так занимает именно возможность *усваивать* и *передавать* – в ходе естественного отбора у нас сформировался определенный тип сознания, способный усваивать лишь определенные религиозные понятия. При этом не все из них одинаково хороши. Те, которые усваиваются легко, мы наблюдаем по всему миру – собственно, именно поэтому они и наблюдаются по всему миру. «Воздушному ничто дает и обиталище, и имя» – сказано про поэзию, однако к сверхъестественным образам эти слова подходят еще больше. Но, как мы еще увидим, не всякое «воздушное ничто» находит обиталище в человеческом сознании.

Гипотезы происхождения

Откуда берутся религиозные убеждения? Почему мы встречаем их повсюду, в том числе и в далеком прошлом? Давайте для начала рассмотрим спонтанные, первыми приходящие на ум версии их происхождения. У каждого есть некое знание на этот счет. Психологи и антропологи, как и я, изучающие мыслительные процессы, в ходе которых формируются религиозные верования, на каждом шагу (издержки профессии, что поделать) сталкиваются с носителями «исчерпывающего» ответа на этот вопрос. Эти носители зачастую охотно делятся своими озарениями, иногда подразумевая, что дальнейшее исследование вопроса если не бесполезно, то по меньшей мере не составляет большого труда. Когда вы говорите: «Я создаю эффективные в расчетном отношении клеточные автоматы на основе генетических алгоритмов» – собеседник сразу понимает, что дело это, по всей вероятности, непростое. Услышав же, что вы занимаетесь «объяснением происхождения религии», он, как правило, ничего сложного и трудоемкого здесь не видит. Большинство и так примерно представляет себе, почему существует религия, что она дает человеку, почему он иногда привержен ей истово и т. д. Распространенные версии ставят нас в сложное положение: если они и в самом деле прекрасно все объясняют, зачем городить сложные теории? А если (боюсь, это более вероятно) они все-таки далеки от идеала, наша теория должна оказаться по крайней мере не хуже интуитивных догадок, которые она призвана заменить.

Большинство этих догадок опирается на один из следующих постулатов: человеческое сознание жаждет объяснений, человеческое сердце нуждается в утешении, человеческому обществу требуется порядок, человеческий разум склонен к иллюзиям. Давайте разберем их подробнее.

Религия дает объяснение:

- Религия появилась для объяснения непонятных природных явлений.
- Религия объясняет загадочные личные переживания – сны, предвидение и т. п.
- Религия объясняет происхождение всего.
- Религия объясняет существование зла и страданий.

Религия дает утешение:

- Религиозные учения примиряют человека со смертностью.
- Религия снижает тревожность и делает окружающий нас мир более комфортным местом обитания.

Религия обеспечивает общественный порядок:

- Религия сплачивает.
- Религия закрепляет определенный общественный уклад.
- Религия поддерживает нравственность.

Религия – это когнитивная иллюзия:

- Человек суеверен, он поверит во что угодно.
- Религиозные догмы неопровержимы.
- Опровергать сложнее, чем верить.

Список хоть и не исчерпывающий, но вполне показательный. Рассмотрев подробнее любую из этих версий, мы увидим, что ни одна из них не отвечает на вопрос, откуда религия все-таки берется и почему она такая, какая есть. Тогда к чему они? Нет, я не собираюсь

высмеивать тут чужие гипотезы и доказывать, что антропологи и когнитивисты умнее обычных людей. Я привожу эти интуитивные гипотезы, потому что они популярны, потому что именно к ним снова и снова приходят те, кто задумывается о религии, и, самое главное, потому что в них есть рациональное зерно. Каждая из этих наивных догадок указывает на действительно существующее важное явление, которому любая стоящая потраченных на нее усилий теория должна найти объяснение. Кроме того, их рассмотрение позволяет шире взглянуть на то, как возникают в человеческом сознании религиозные представления и убеждения.

Неожиданное разнообразие

Кто сказал, что антропология бесполезна? Да, религия встречается по всему миру, но встречается в самых разных формах. Очень грубая и вместе с тем распространенная ошибка – объяснять любую религию с точки зрения определенной характеристики, которая на самом деле присуща лишь одной – знакомой нам – разновидности. Антропологи же специализируются на культурных различиях и, как правило, изучают чужую для себя среду, чтобы не угодить в подобную ловушку. Вот уже более 100 лет они документируют радикально отличающиеся друг от друга религиозные представления, верования и обряды. Какая от этого польза? Прдемонстрирую на примере. Вспомните, насколько неполной выглядит информация, представленная в географических атласах, где наряду с физическими особенностями местности (Арктика – это сплошной лед, а пустыня Сахара – почти целиком песок и камни) приводятся и данные о верованиях населения. Из этих данных вы узнаете, например, что большинство жителей Олстера – протестанты, а католиков там меньшинство, Италия преимущественно католическая, а Саудовская Аравия – мусульманская. Пока все четко и ясно. Однако с другими странами начинаются сложности. Возьмем, например, Индию или Индонезию. Большая часть населения там исповедует одну из известных мировых религий (индуизм, ислам), однако в обеих странах имеются крупные племенные группы, совершенно далекие от официальных конфессий. Обычно говорят, что они придерживаются анимистических или племенных верований – термины (как подтвердит вам любой антрополог), абсолютно ничего не значащие. За ними скрываются «не попадающие в стандартные категории» – с таким же успехом можно было обозначить эти верования как «иные». А Конго с Анголой? Если верить атласу, большинство населения там христиане – и это так, с той точки зрения, что многие там крещены и ходят в церковь. Однако жители Конго и Анголы повсюду видят колдунов и духов предков и с помощью бесчисленных обрядов пытаются отпугнуть первых и задобрить вторых. В такой же христианской Северной Ирландии ничего подобного не наблюдается. Таким образом, приводимые в атласе сведения о религиозных верованиях не отражают истинного положения дел.

Религиозное разнообразие заключается не только в том, что кто-то называет себя буддистом, а кто-то баптистом. Оно кроется гораздо глубже – в том, как люди представляют сверхъестественные сущности, какие свойства и облик им приписывают, какие моральные нормы и принципы выводят из своей веры, какие обряды совершают и т. д. Вот что удалось установить антропологам:

Сверхъестественные сущности могут быть разными. Религия подразумевает существование и каузальные свойства ненаблюдаемых сущностей и сил. Это может быть один бог, много разных божеств, духов или предков – или комбинация того и другого. Даже если божество носит статус верховного, это не всегда означает его особую значимость для верующего. В Африке достаточно много племен, у которых по два верховных божества: одно – довольно абстрактная сущность, другое – более приземленное, создавшее когда-то все приметы культуры – орудия труда, домашних животных, селения и общественный уклад. Однако ни то ни другое божество не участвует в повседневной жизни людей, где гораздо более важная роль отводится колдунам, духам и предкам.

Боги могут умирать. Кажется самоочевидным, что боги вечны по определению. Однако многие буддисты считают, что они, как и человеческие существа, не могут вырваться из бесконечного цикла перерождений и умирают, как все остальные, только срок их жизни гораздо дольше, поэтому с незапамятных времен люди молятся одним и тем же богам. При этом человек

находится даже в более привилегированном положении: в отличие от богов, он может (хотя бы теоретически) прервать цикл и прекратить страдания, тогда как богу для этого придется сперва переродиться в человека.

Духи бывают на удивление глупы. Для христианина само собой разумеется, что бога не проведешь, однако на свете существует немало мест, где одурачить сверхчеловеческую сущность не только можно, но и нужно. В Сибири, например, о важных делах стараются говорить иносказательно, потому что злые духи норовят подслушать разговоры и разрушить все планы. То есть духи, при всех своих сверхъестественных способностях, не понимают иносказаний. Они могущественны, но глупы. Во многих уголках Африки правила приличия предписывают при встрече с друзьями или родными вслух сочувствовать им по поводу «уродливых» или «непослушных» детей. Эта наивная уловка призвана обмануть колдунов, которые ищут хороших детей, чтобы «съесть». По тем же причинам в тех же местах детям нередко дают имена, означающие неудачу или позор. Гаитяне, потерявшие кого-то из близких, заботятся среди прочего и о том, чтобы тело усопшего не досталось колдунам. Для этого в могилу иногда кладется игла без ушка и нить – за безуспешными попытками вдеть нитку в иглу колдуны на долгие столетия и думать забудут об усопшем. Человек, с одной стороны, приписывает сверхъестественным сущностям небывалые силы, а с другой – считает, что их легко можно одурачить.

Не всегда конечной целью является спасение. Знакомым с идеями христианства, ислама или буддизма кажется само собой разумеющимся, что смысл религии – в спасении или освобождении души. Они думают, что религии отличаются лишь взглядом на необходимость спасения души и предлагаемыми путями к спасению. На самом же деле в мире существует множество верований, не обещающих ни спасения, ни освобождения души – по сути, вовсе никак не затрагивающих ее судьбу. В этих верованиях судьба души никак не зависит от того, праведную или неправедную жизнь прожил человек. Усопший становится духом или предком. Так происходит со всеми, никакого высшего суда не требуется.

Официальная религия – это еще не все. Куда ни помотришь, оказывается, что религиозные представления гораздо разнообразнее и многочисленнее, чем допускает «официальная» религия. В Европе немало уголков, где люди верят в ведьм, строящих им козни. Официальный ислам не признает иных богов, кроме Аллаха, однако многие мусульмане боятся джиннов и ифритов – духов, призраков и колдунов. В Соединенных Штатах разнообразия конфессий хватает и в официальной религии – христиане всех мастей, иудеи, индуисты и т. д., однако многие всерьез взаимодействуют с инопланетянами или духами. И эти верования тоже нужно учесть и объяснить.

Религия может быть безальтернативной. Для христианина, иудея, мусульманина очевидно, что существует не одна религия и что человек волен выбирать между альтернативными взглядами на сотворение мира, судьбу души и заповедями, которых следует придерживаться. Такое представление диктуется вполне определенными условиями – проживанием в большом государстве с соперничающими церквями и доктринами. Однако и на протяжении истории, и в наши дни многие жили и живут совсем в иных условиях, при которых другой религии, кроме той, которую они исповедуют, попросту не существует. Кроме того, многие религиозные представления тесно

связаны с конкретными местами и персоналиями: например, с молитвой предкам или принесением жертв лесу, чтобы лучше ловилась дичь. Их адепты не поняли бы, зачем молиться чужим предкам или благодарить за пищу, которая достанется не тебе. Концепция универсальной религии, которую может (и должен) исповедовать каждый, вовсе не универсальна.

Религия может не осознаваться как религия. У нас имеется словесное обозначение для религии. Удобный собирательный термин, объединяющий в нашем сознании все представления, действия, правила и предметы, связанные с существованием и особенностями таких сверхъестественных существ, как бог. Но такое обозначение или выраженное представление о том, что религиозная сфера отличается от мирской и повседневной, есть не у всех. Как правило, религия выделяется в особую категорию в сознании людей, живущих там, где соседствуют несколько «религий», но, как я уже упоминал, такое наблюдается далеко не везде. Однако отсутствие особого термина для религии не означает, что ее нет. На свете имеется масса языков, в которых нет слова «синтаксис», однако синтаксис присутствует и в них. Наличие обозначения – не обязательное условие существования явления.

Бывает религия без веры. Очень многих людей на земле удивило бы заявление, что они «верят» в духов и колдунов или «поклоняются» предкам. На многие языки даже перевести такое утверждение было бы затруднительно. Нам, жителям Запада, сложно представить, насколько специфично само понятие «веры во что-то». Представьте себе, что какой-нибудь марсианин говорит вам: «Надо же, как интересно, вы верите в горы, реки, машины и телефоны». Вы решите, что инопланетянин просто недопонял, ведь мы в эти явления не «верим», мы просто признаем их существование. Вот так же во многих уголках нашей планеты относятся к колдовству и духам: они просто существуют в природе, как деревья и животные (разве что понимать их и обращаться с ними куда сложнее), поэтому, чтобы признавать их существование и действовать соответственно, не требуется никакой особой веры и убеждений. В ходе антропологических экспедиций в Африку я изучал представителей народа фанг, утверждавших, что в селениях и в буше полно злых духов, которые нападают на людей, посылают на них болезни и уничтожают посевы. При этом мои знакомые фанг знали, что меня это не особенно заботит и что большинство европейцев на удивление равнодушны к воздействию духов и колдовства. Вот это, по-моему, и есть пример разницы между верой и неверием в духов. Но фанг смотрят на это по-другому. В их представлении духи действительно повсюду, просто на белых их сила почему-то не действует, то ли потому, что белые слеплены богом из другого теста, то ли потому, что у них имеется действенное антиколдовское снадобье. То, что мы называем верой, другие могут считать знанием.¹

Вывод из всего этого довольно простой. Человек, заявляющий: «Религия – это облеченная в доктрину вера, которая учит, как спасти душу, повинаясь мудрому и вечному Создателю мира», явно мало путешествовал и недостаточно читал. Поверье, что мертвые возвращаются на землю преследовать живых, существует во многих культурах, но не во всех. Где-то считают, что некоторые особенные люди способны общаться с богом и усопшими, но и это распространено не повсеместно. Где-то верят, что у человека есть душа, живущая и после смерти, однако

¹ Затруднения с переводом понятия «вера»: Needham, 1972; дискуссия в Luhmann, 1989, с. 311 и далее.

и это представление не универсально. Выдвигая общие объяснения для религии, хорошо бы для начала удостовериться, что они применимы не только к знакомой нам конфессии.

Интеллектуальные гипотезы. Разум требует объяснений

Попытки объяснить возникновение религии отслеживают развитие событий: они описывают последовательность происходившего в человеческом сознании или в обществе, иногда охватывающую огромный исторический период, которая привела к формированию известной нам религии. Однако эти описания могут вводить в заблуждение. В хорошем рассказе одно вытекает из другого настолько логично и последовательно, что мы забываем проверить, так ли все было на самом деле. Поэтому с подобным подходом мы можем двигаться в верном направлении, а можем и забуксовать, не зная, что в двух шагах находится более легкий и увлекательный путь. Это недостаток всех обобщенных гипотез происхождения религии, – и сейчас я обозначу важнейшие положения каждой из них, а потом сделаю шаг назад и отправлюсь по другому пути.

Наиболее знакомая всем версия построена на том, что у человечества имеются некие общие интеллектуальные потребности. Человек хочет понимать наблюдаемые явления и процессы, то есть объяснять их, прогнозировать и, возможно, управлять ими. Эти самые общие и действительно универсальные потребности разума и привели на каком-то этапе культурного развития человечества к возникновению религиозных представлений. Происходило это не обязательно в один момент, внезапным озарением, закрепившимся раз и навсегда. Процесс мог быть долгим, поскольку потребность разобраться наводит человека на все новые и новые мысли, которые становятся объяснениями. Вот некоторые вариации этой версии:

- *Религию придумали, чтобы объяснить непонятные природные явления*. Человек сталкивается с самыми разными феноменами, которые заставляют задуматься о происходящем вокруг. Если в стекло бросить камень, оно разобьется, тут все понятно. Другое дело – грозы, гром, засухи, наводнения. Что вызывает их? Отчего движется солнце по небосклону, что управляет звездами и планетами? В качестве объяснений привлекаются боги и духи. Во многих верованиях планеты и есть боги, а в древнеримской мифологии гром объясняли ударами молота Вулкана по наковальне. В самых распространенных случаях боги и духи приносят дожди и обеспечивают хороший урожай. Их участием объясняют явления, неподвластные обыденному сознанию.

- *Религию придумали, чтобы объяснить непонятные психические явления*. Сны, предчувствия, ощущение, будто усопшие находятся где-то среди нас (и нередко «являются» живым), тоже трудно поддаются бытовой логике, однако вполне коррелируют с понятием «дух». Дух – это бестелесная сущность, обладающая свойствами, очень схожими с присущими тем, кто является в снах и галлюцинациях. Божества и единый бог – дальнейшее развитие этой проекции психических явлений.

- *Религия объясняет происхождение всего существующего*. Всем известно, что растения появляются из семян, животные и люди рожают себе подобных и т. д. Но откуда все это взялось изначально? У всех нас имеются бытовые объяснения происхождения того или иного аспекта окружающего нас мира, но все они лишь «перекладывают ответственность» на другие процессы или действующие силы. Человек пытается добраться до самого первого звена этой цепочки – и на эту роль назначается никем не сотворенный творец вроде бога, или первопредка, или некоего культурного героя.

- *Религия объясняет наличие зла и страданий*. Человеку свойственно искать объяснение своим невзгодам. Почему в принципе существует несчастье и зло? Вот тут и оказываются кстати такие концепции, как судьба, бог, дьявол и предки. Они объясняют, как и почему в мире появилось зло (а иногда предлагают рецепты лучшего мироустройства).

Чем плохи эти версии? Слабых мест тут несколько. Мы утверждаем, что религиозные понятия рождаются из желания найти удовлетворительное объяснение определенным аспектам общечеловеческого опыта. Антропологи же показали, что а) не всякой культуре свойственна потребность в объяснении этих фактов и б) религиозные объяснения кардинально отличаются от обычных.

Взять хотя бы идею, что человек желает установить общую причину страданий и зла на земле. Она вовсе не так очевидна, как может показаться. Куда ни взгляни, человека больше интересует корень *конкретных* бед и злосчастия. В эти размышления он действительно склонен углубляться, тогда как существование зла как такового заботит его куда реже. Приведу пример, знакомый любому антропологу еще со студенческой скамьи. Британский антрополог Эванс-Притчард известен ставшими классикой этой области науки описаниями верований суданского народа занде. Своей книгой он задал планку для всех антропологов, поскольку не ограничился простым перечислением странных поверий. Он показал на бесчисленных подробностях, насколько эти поверья разумны, если смотреть с той же точки зрения, что и люди, их породившие, и понять, на какие вопросы эти поверья призваны ответить. Например, как-то раз в селении, где работал Эванс-Притчард, обвалилась крыша одного из саманных домов – сельчане моментально объяснили происшедшее колдовством. Видимо, у людей, находившихся в момент обвала под крышей, имелись могущественные враги, рассудили они. Эванс-Притчард с типично английским благоразумием возразил собеседникам, что ничего сверхъестественного тут нет, стены дома всего-навсего изъедены термитами. Однако сельчан интересовало не это, они прекрасно знали, что термиты точат опоры дома и рано или поздно хлипкие саманные строения рушатся. Сельчане задавались другим вопросом: почему крыша обвалилась именно в этот момент, когда под ней сидел такой-то, а не раньше и не позже. Вот тут-то в качестве объяснения и привлекается колдовство. Но как объяснить существование самого колдовства? Этот вопрос никакого интереса не вызывал, причем это типичная картина для тех мест, где верят в духов и колдунов. Их деятельностью объясняются те или иные конкретные происшествия, однако о причинах существования зла и несчастий как явления никто не задумывается.

Происхождение вещей как таковое волнует умы куда меньше, чем нам представляется. Как отмечает антрополог Роджер Кизинг, описывая мифы народа квайо с Соломоновых островов: «Изначальное происхождение человека вопросов не вызывает. [Мифы] рисуют мир, где человек устраивает пиры, выращивает свиней и таро и участвует в кровной вражде». Людей заботят случаи, когда им в этих занятиях препятствуют, и чаще всего здесь не обходится без вмешательства предков или колдовства.²

Какое же объяснение предлагает религия в этих частных случаях? Как правило, она порождает больше вопросов, чем ответов. Возьмем, например, объяснение, что гром – это грозный голос предков, рассердившихся на людей за какие-то проступки. Чтобы объяснить частное явление окружающей действительности (громкий раскатистый звук во время грозы), приходится предполагать существование целого воображаемого мира со сверхъестественными сущностями (откуда они появляются? где находятся?), которых невозможно увидеть (почему?), обитающих в недостижимом пространстве (а как же тогда до нас доносится звук?) и своими голосами порождающих гром (каким образом? у них так устроены голосовые органы? они гиганты?). Если вы живете там, где распространены эти верования, ответы у вас, надо полагать, найдутся. Однако каждый из них тянет за собой отдельную историю, в которой в большинстве случаев тоже будут фигурировать сверхъестественные сущности и чрезвычайные события, то есть предпосылки к дальнейшим вопросам.

В качестве еще одной иллюстрации приведу краткое описание шаманского ритуала у панамского народа куна, сделанное антропологом Карло Севери:

² Мифы квайо: Keesing, 1982, с. 102.

«[Шаман] исполняет песнопение перед двумя рядами статуэток, выставленных друг напротив друга рядом с гамаком, где лежит пациент. Эти духи-помощники вдыхают дым, дурманящее воздействие которого раскрывает их сознание навстречу невидимой области мироздания и наделяет целительскими способностями. Таким образом [статуэтки] как будто сами становятся ведунками-целителями».³

Больной, над которым совершается ритуал, признан сельчанами помешанным, и помешательство его объясняется в религиозной парадигме: его душу похитили и держат в плену злые духи. Шаман – это специалист, способный привлечь духов-помощников, чтобы вызволить захваченную душу и тем самым вернуть больному здоровье. Обратите внимание, как далеко уходит эта парадигма от прямого объяснения отклонений в поведении больного. Да, состояние больного очевидно, однако злые духи, духи-помощники, способность шамана путешествовать по миру духов, эффективность шаманских песнопений в переговорах со злыми духами – все это выступает необходимыми условиями лечения. Дополняет эту и без того фантастическую картину тот факт, что духи – это деревянные статуэтки. Они не только слышат и понимают шамана, но и обретают на время ритуала вещие способности, прозревая скрытое от глаз обычного человека.

Подобное «объяснение» работает иначе, чем привычные нам описания происходящих в действительности событий. В обычном случае объяснения основываются на доступных фактах, которые реорганизуются таким образом, чтобы происходящее представало в более понятном свете. Объяснение не подразумевает потока ничем не связанных между собой мыслей. Смысл объяснения – обеспечить контекст, в котором явление покажется менее загадочным, чем прежде, и будет лучше укладываться в привычную картину мира. Религиозные объяснения зачастую словно преследуют совсем иную цель, только усугубляя загадочность. Как выразился антрополог Дэн Спербер, религия не столько объясняет происходящее, сколько задает нам «релевантные загадки».

В результате появляется знакомый всем антропологам парадокс. Если с помощью религии человек объясняет непонятные явления, получается, он попросту не понимает, что такое «объяснение»? Но это абсурд. Прекрасно понимает, в чем мы имеем множество возможностей убедиться. Привычной стратегией «собрать массив фактов под упрощенным обозначением» человек пользуется постоянно. Так что с помощью религиозных концепций он не столько объясняет окружающий мир, сколько... Вот тут нам и придется сделать шаг назад и рассмотреть в более общих чертах, в чем релевантность загадок.⁴

Сознание как совокупность объяснительных механизмов

Действительно ли работу человеческой мысли подстегивает общая жажда постичь окружающий мир? Иммануил Кант открывает свою «Критику чистого разума» – исследование познавательных возможностей в отрыве от знаний, получаемых опытным путем, – утверждением, что человеческий разум испокон веков будоражат вопросы, на которые он не может ответить, но которые не может и игнорировать. Затем тема религии как объяснения получила развитие в антропологическом течении под названием интеллектуализм, основанном Эдуардом Бернеттом Тайлором и Джеймсом Фрэзером в XIX в., но не утратившем авторитетности и по сей день. Основная идея интеллектуализма заключается в следующем: если некое явление

³ Шаманизм куна: Severi, 1993.

⁴ Релевантные загадки: Sperber, 1996. Теории религии как объяснения необъяснимого: Tylor, 1871; Snow, 1922.

универсально для человеческого опыта, но постичь его эмпирически не представляется возможным, человек попытается найти умозрительное объяснение.⁵

Между тем в такой грубой и обобщенной формулировке утверждение это попросту неверно. Многие явления знакомы всем нам с детства и сложно поддаются пониманию на бытовом уровне, однако никто не пытается искать им объяснение. Например, все мы знаем, что нашими телодвижениями управляет не какая-то внешняя сила, дергающая нас за ниточки, а наши собственные побуждения. То есть, если я протягиваю руку и раскрываю ладонь, чтобы обменяться рукопожатием, это исключительно мое собственное намерение. Кроме того, мы все сходимся в том, что наши мысли не имеют массы, размера и прочих материальных характеристик (идея яблока не соразмерна яблоку, идея воды не течет, идея скалы не тверже идеи масла). Намерение поднять руку (вернемся к классическому примеру) не обладает ни весом, ни плотностью. Однако оно движет частями моего тела. Как так получается? Как нечто бесплотное может воздействовать на материальный мир? Или, переформулируя в менее метафизическом ключе, как слова и образы в сознании движут моими мышцами? Для философов и когнитивистов это серьезный вопрос, однако, как ни парадоксально, остальных он не особенно занимает. Куда ни подайся, везде обнаруживается: человеку вполне достаточно самого знания, что мысли и желания правят движениями нашего тела. (Я беседовал на эту тему и в английских пабах, и в камерунских селениях фанг и могу с уверенностью сказать, что ни там ни там люди не видят ничего загадочного в том, что тело управляется сознанием. И неудивительно. Чтобы найти в этом вопросе что-то интересное или интригующее, нужна основательная подготовка.)

Ошибка интеллектуализма заключалась в предположении, будто человеческим разумом движет *общая* жажда объяснений. Отправная точка не менее зыбка, чем идея, будто животные, в отличие от растений, ощущают общую «потребность в перемещении». Животные меняют дислокацию вовсе не из охоты к перемене мест, а в поиске пищи, укрытия или возможности спаривания, и управляют их передвижениями в этих непохожих случаях несхожие между собой процессы. То же относится и к объяснениям. На первый взгляд может показаться, что основной смысл разума – объяснять и понимать. Однако, если рассмотреть проблему внимательнее, станет ясно, что происходящее в сознании куда сложнее, и это один из ключевых моментов для понимания религии.

Наш разум не объяснительная машина. Это, скорее, совокупность разных специализированных объяснительных устройств. Задумайтесь: практически все, что возникает перед нашими глазами, мы видим трехмерным, поскольку мозг попросту не может не переводить проецируемое на сетчатку плоское изображение в объемное. Если вы росли в англоязычной среде, вы попросту не можете не понимать английскую речь, то есть переводить сложные звуковые рисунки в связные фразы. Человек автоматически объясняет свойства конкретного животного принадлежностью к определенному виду: тигр – агрессивный хищник, а як – тихое травоядное, такова их природа. Мы автоматически подразумеваем, что форма того или иного инструмента задана выполняемыми им функциями, а не случайным сочетанием составляющих: у молотка крепкая рукоятка и тяжелая головка, чтобы легче было забивать гвозди в твердую поверхность. Мы, как выясняется, не можем наблюдать за полетом теннисного мяча, не объясняя автоматически его траекторию результатом приложенной к нему силы. Увидев, что человек внезапно меняется в лице, мы сразу начинаем гадать, что могло его расстроить или удивить, ища объяснения замеченной перемене. Если у нас на глазах животное застывает на месте, а потом резко отскакивает, мы объясняем это тем, что где-то рядом притаился хищник. А заметив, что комнатные растения вянут и сохнут, подозреваем, что соседи не сдержали обещание и не поливают их. Такие спонтанные объяснения наше сознание рождает постоянно.

⁵ Разум и метафизика: Kant, 1781; Kant and Schmidt, 1990. Интеллектуализм: Frazer, 1911; Stocking, 1987; Tylor, 1871.

Обратите внимание, что все эти объяснительные процессы, скажем так, «избирательны». Разум не пытается объяснить все подряд и не строит объяснения на любых подвернувшихся данных. У нас не возникает стремления понять эмоции теннисного мяча. Мы не предполагаем автоматически, что комнатные цветы засохли от огорчения, а животное отпрыгнуло из-за сильного порыва ветра. Механические явления мы объясняем физическими причинами, рост и распад – биологическими, а эмоции и поведение – психологическими.

Так что нет, не нужно представлять себе сознание как общий механизм с функцией «рассмотрим факты и подберем объяснение». Это совокупность специализированных объяснительных систем – точнее, систем логического вывода, каждая из которых настроена на определенную категорию явлений и событий и автоматически предлагает им объяснение. Истолковывая для себя то или иное наблюдение («стекло разбилось, потому что в него влетел теннисный мяч», «миссис Джонс сердится, потому что дети разбили ей окно»), мы приводим в действие одну из этих систем, сами того не замечая, поскольку работают они очень гладко. В развернутом виде любая из логических цепочек изобилует утомительными подробностями: «Миссис Джонс сердится, ее злость вызвана неприятными для нее действиями других людей и направлена на этих людей, миссис Джонс знает, что дети играли около ее дома, и она подозревает, что детям было известно о способности мяча разбить стекло, и т. п.». Наша психика проделывает все эти скучные логические шаги автоматически, предъявляя для осмысления лишь конечный результат.

Принимая всерьез и анализируя гипотезу «религии как объяснения», мы получаем возможность посмотреть свежим взглядом, как функционируют в человеческом сознании религиозные представления. При всей необычности религиозных понятий они тоже задействуют описанные выше системы логического вывода. На место миссис Джонс и теннисного мяча вполне можно подставить предков и колдовство. Если вернуться к приведенному у Эванса-Притчарда случаю с обвалившейся крышей, обратите внимание, насколько очевидными – настолько, что их не удостоили отдельного упоминания ни сам антрополог, ни его собеседники, – были некоторые аспекты происшедшего. В частности, тот факт, что колдуны, если это действительно было их рук дело, имели какие-то основания обрушить крышу; что ими двигала жажда мести или корыстные интересы; что они были сердиты на сидевших под крышей; что удар был направлен именно на этих людей, а не на других; что колдуны видели, кто находится под крышей; что они нанесут еще удар, если результаты первого их не удовлетворят и изначальные причины еще актуальны и т. д. Все это не требуется проговаривать – об этом никто даже не задумывается целенаправленно, – поскольку все это само собой разумеется.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ

1: РЕЛИГИЯ КАК ОБЪЯСНЕНИЕ

- Истоки религии не лежат в стремлении объяснить окружающий мир.
- Потребность объяснять частные случаи порождает довольно фантастические построения.
- Нельзя объяснить религиозные представления, не рассматривая, как они функционируют в индивидуальном сознании.
- Шаг в сторону. Возможно, религиозные представления возникают под влиянием объяснений, исподволь предлагаемых системами логического вывода.

И тут мы подходим к двум основным вопросам, которые я буду разбирать в следующих главах. К тому, как работа наших шаблонных систем логического вывода во многом проливает свет на человеческое мышление, в том числе и религиозное. Но – и это самое главное – работу

систем логического вывода нельзя увидеть невооруженным взглядом. Философ Дэниел Деннет обозначает неизбежную иллюзию, будто работа разума – это четкие целенаправленные мысли и логические обоснования этих мыслей, термином «картезианский театр». Однако основная работа идет за кулисами этой картезианской сцены, в мастерских сознания, куда без когнитивистских приборов не заглянуть. Когда речь идет о моторных процессах, разделение вполне очевидно: раз моя рука поднимается, повинаясь сознательному приказу, значит, в мозге имеется сложная система управления и контроля над работой разных мышц. Гораздо труднее осознать, что простые на первый взгляд заключения вроде «миссис Джонс сердится, потому что дети разбили ей окно» или «предки накажут тебя, если осквернить их усыпальницу» требуют не менее сложной закулисной работы в исполнении таких же замысловатых систем. Но системы функционируют. И по их незаметной работе можно многое узнать о религии. В частности, почему некоторые представления (например, о невидимых сущностях, следящих за каждым нашим шагом) распространены по всему миру, а другие, наоборот, встречаются крайне редко. А еще можно понять, почему эти представления, как нам предстоит убедиться ниже, завладевают умами.⁶

⁶ Картезианский театр сознания: Dennett and Weiner, 1991.

Эмоционально-ориентированные гипотезы. Религия дает утешение

Многим причина существования религии видится простой: эмоции. Так уж устроена человеческая психика – ей требуется утешение, поддержка, и она черпает их в сверхъестественном. У этой распространенной гипотезы имеются две разновидности:

- *Религия примиряет со смертностью.* Человек понимает, что все мы когда-нибудь умрем. Как и у большинства животных, у него выработался набор стандартных реакций на угрозу жизни – застыть, бороться или бежать. Однако он, возможно, единственный из всех животных, отдает себе отчет, что рано или поздно все равно скончается. И хотя бы на этот случай в большинстве религиозных парадигм имеется пусть слабое, но утешение. Представления о богах, духах и предках проистекают из стремления объяснить себе смертность и подсластить пилюлю.

- *Религия снижает тревожность и делает окружающий нас мир более комфортным местом обитания.* Для большинства людей жизнь по природе своей «сурова, жестока и коротка» – по крайней мере была такой в «темные времена», когда начинали складываться религиозные представления. Религия снижает тревожность, предлагая контекст, либо объясняющий причину тягот, либо обещающий лучшую жизнь или спасение.

Эти версии, как и интеллектуальные, могут оказаться вполне состоятельными для своего уровня, однако нам нужно копнуть глубже. Справляются ли они со своей задачей? Действительно ли они объясняют, почему существуют религиозные представления и почему именно такие?

У эмоциональной подоплеки имеется несколько серьезных изъянов. Во-первых, как уже довольно давно отмечают антропологи, некоторые явления относятся к области тайн и вызывают благоговейный страх лишь там, где местная парадигма предлагает разгадку тайны или лекарство от страха. Например, в некоторых районах Меланезии существуют бесчисленные ритуалы для защиты от злых чар. Местные жители действительно считают, что постоянно подвергаются угрозе со стороны невидимых врагов. Логично предположить, что в этих краях магические ритуалы, предписания и предосторожности играют существенную утешительную роль, поскольку дают человеку воображаемое ощущение контроля над неведомым. Однако в других местах таких ритуалов нет, но и угроз с этой стороны никто не боится. С антропологической точки зрения весьма вероятно, что ритуалы сами создают потребность, которую затем удовлетворяют (или ритуалы и потребность взаимно подпитывают друг друга).

Во-вторых, если религиозные представления призваны удовлетворять определенные эмоциональные потребности, они не очень-то справляются со своей задачей. Религиозная картина мира зачастую не менее страшна, чем лишенная сверхъестественного присутствия, и многие религии не столько показывают свет в конце тоннеля, сколько сгущают мрак. Христианский философ Кьеркегор озаглавливал свои труды «Понятие страха», «Страх и трепет» – именно так он понимал подлинный психологический смысл христианского откровения. Нелишне вспомнить и широко распространенную веру в колдовство, вампиров, призраков и злых духов, якобы насылающих болезни и несчастья. В представлении людей народа фанг, который я изучал в Камеруне, нас на каждом шагу подстерегают колдуны – злонамеренные личности, обладающие таинственной способностью «пожирать» других людей, лишая их тем самым здоровья или удачи. Представления о защите от злых чар у фанг тоже существуют: кому-то удастся разгадывать и рушить злокозненные замыслы колдунов, кто-то прибегает к специальным защитным мерам, однако в общем и целом меры эти довольно жалки и не особенно помогают. Большинство фанг признают, что перевес сил не на стороне людей, и подтверждения этому видят

повсюду – в неурожаях, автокатастрофах, скоропостижных смертях. Если религия и снимает тревожность, то далеко не полностью, лишь в самой малой степени исцеляя от ею же самой созданной болезни.

Утешительная религия – в том виде, в котором она существует, – встречается вовсе не там, где жизнь ощутимо сурова и опасна, скорее наоборот. Возьмем одну из немногих религиозных парадигм, явно призванных выработать обнадеживающий взгляд на мир, – движение Нью-Эйдж. Оно утверждает, что люди – все до единого – обладают огромной «силой» и нет такого интеллектуального или физического подвига, который был бы им не по плечу. Согласно этому учению, все мы связаны с таинственными, но по сути своей благосклонными силами Вселенной. Здоровье можно укрепить за счет внутренней духовной стойкости. Человек по природе своей добр. Большинство людей до нынешней жизни прожили другую, весьма интересную. Обратите внимание, что эти льющие бальзам на душу и тешащие самолюбие взгляды зародились и получили распространение в одном из самых благополучных и спокойных обществ за всю историю. Носители этих воззрений сталкиваются с войной, голодом, детской смертностью, неизлечимыми эндемичными заболеваниями и произволом властей куда меньше, чем средневековые европейцы или современные крестьяне «третьего мира».

С утешением картина ясна. А что насчет смертности? Религия во всем мире так или иначе затрагивает происходящее после смерти, оказывая тем самым существенное влияние на мировоззрение и поведение. Однако, чтобы осознать это, нужно сперва отбросить наивную идею, будто любая религия обещает спасение, потому что это определенно не так. И к тому же нельзя забывать, что в большинстве мест люди не испытывают особенного метафизического стремления объяснять или смягчать абстрактный факт смертности. Представление о том, что смертность невыносима и делает человеческое существование бессмысленным, культурно специфично и никак не может выступать универсальной мотивацией. Гораздо актуальнее здесь перспектива собственной смертности и связанные с этим мысли. Как они участвуют в формировании религиозных воззрений, как придают им убедительность и глубокую эмоциональную окраску?

Традиционное, с ходу выдаваемое предположение (человек боится смерти, а религия внушает, что смерть – это не конец) совершенно несостоятельно, поскольку человеческий разум не склонен порождать утешительные иллюзии для всех страхов и тревог. Организм, подверженный подобным иллюзиям, долго бы не прожил. И потом, даже если некоторые религиозные представления и снижают страх, наша задача – объяснить, как они обрели достаточную достоверность в сознании, чтобы эту роль выполнять. Тешить себя приятными фантазиями несложно, но, чтобы стать руководством к действию, фантазия должна перерасти в нечто большее. Одного только утешения мало, чтобы создать нужный уровень достоверности.

Прежде чем принимать или отвергать эмоционально-ориентированные гипотезы происхождения религии, рассмотрим их основные положения чуть подробнее. Связанный со смертью страх в человеческом сознании действительно присутствует, но в чем он заключается? Вопрос может показаться настолько же странным, насколько простой и четкой рисуется сама перспектива смерти, великолепно фокусирующая сознание, как подметил доктор Сэмюэл Джонсон. Однако человеческие эмоции не так просты. Они возникают потому, что сознание – это комплекс сложных систем, работающих в закулисе разума и решающих сложнейшие задачи. Возьмем, например, такую простую эмоцию, как страх, вызванный появлением хищника. У многих животных, включая человека, это событие запускает ряд выраженных соматических реакций, самые заметные из которых – учащенное сердцебиение и усиленное потоотделение. Но остальные системы тоже выполняют сложную работу. В частности, нам приходится выбирать между реакцией борьбы, бегства или застывания на месте, и выбор этот мы делаем с помощью *расчета (вычисления)* – перебирая варианты и прикидывая, какой из них безопаснее. Так что страх – это не только наши ощущения, но еще и *программа*, сравниваемая в каком-

то смысле с компьютерной. Она мобилизует ресурсы мозга определенным образом, отличным от действий в других обстоятельствах. Страх усиливает чувствительность определенных механизмов восприятия и проводит мыслительный процесс через сложный лабиринт возможных исходов. Доктор Джонсон был прав.⁷

Отсюда вытекают другие важные вопросы: откуда у нас подобные программы и почему они работают именно так? Относительно страха, вызываемого появлением хищника, несложно предположить, что подобный алгоритм выработался в ходе естественного отбора. Мы не дожили бы до нынешних времен, не имея эффективных механизмов спасения от хищников. Но из этого следует, что мыслительные программы чувствительны к контексту. Вы недолго протянете, если мозг откажется запускать нужную программу, когда вас окружают волки, или будет запускать ее при каждой встрече с овцой. Страх смерти не так прост, как может показаться. Не исключено, что религиозные представления обретают такой вес и эмоциональную нагрузку в человеческой психике, поскольку связаны с мыслями об угрожающих жизни обстоятельствах. А значит, чтобы разобраться в религии, нам нужно представлять себе действие заложенных в психике эмоциональных программ, куда более сложных, чем размытый страх.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ 2: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕЛИГИИ

- Религиозные представления не всегда дают утешение и успокаивают.
- Желание избавиться от страха смерти не так универсально, как нам кажется.
- Религиозные представления завязаны на эмоциональные механизмы, которые, в свою очередь, включаются в угрожающих жизни ситуациях.
- Шаг в сторону. Эмоциональные программы – часть нашего эволюционного наследия, и в этом, возможно, ключ к пониманию их роли в появлении религиозных представлений.

⁷ Эмоции как программы: Rolls, 2000; Lane and Nadel, 2000.

Социальные гипотезы. Религия полезна для общества

Гипотезы, берущие за отправную точку социальные потребности, строятся на одном разумном (и истинном) предположении: религия не просто дополнение к общественному укладу, зачастую она его и формирует. На поведение людей по отношению друг к другу в большинстве мест сильно влияют представления о существовании и могуществе предков, богов и духов. А значит, между социальной жизнью и верованиями должна быть какая-то связь. Вот что обычно приходит в голову навскидку:

- *Религия сплачивает общество.* Как цинично выразился Вольтер, «если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать». То есть общество распалось бы, не удерживай его некий комплекс связующих убеждений, благодаря которому социальная группа превращается из собрания эгоцентриков в единый организм.

- *Религию придумали, чтобы закрепить определенный общественный уклад.* Церковь и другие религиозные институты известны активной поддержкой властей и участием в политике. В первую очередь это относится к авторитарным режимам, которые часто ищут в религии оправдание своим действиям. Религия убеждает угнетенных смириться со своей участью и ждать обещанного вознаграждения в ином мире, поскольку в этом все равно лучше не станет.

- *Религия поддерживает нравственность.* Ни одно общество не может существовать без этических норм, которые объединяют людей и сокращают преступность, воровство, мошенничество и т. п. При этом моральные нормы не получится насаждать лишь страхом немедленного наказания, поскольку его неизбежность не гарантирована. Страх перед богом действует гораздо сильнее, так как предполагает постоянство надзора и вечность санкций. В большинстве обществ сверхъестественные сущности (духи, предки) выполняют функцию надзора.

Эти гипотезы также указывают на действительно актуальные проблемы, которые уважающая себя теория религии обязательно должна осветить. Например, какие бы предположения мы ни строили насчет религиозных убеждений, нужно принимать во внимание, что они прочно ассоциируются с моральными. Этот пункт ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов, поскольку именно его постулируют многие религиозные школы. Невозможно игнорировать и связь между религиозными догмами и политическим устройством, поскольку о ней во весь голос заявляют как сами верующие, так и религиозные доктрины.

Однако и здесь мы сталкиваемся со сложностями. Ни одно общество не станет морально оправдывать убийство брата или сестры с целью единолично завладеть вниманием и ресурсами родителей. Ни в одном обществе не принято оставлять соплеменников в опасности, не попытавшись помочь. Однако религиозные убеждения у представителей этих обществ могут очень сильно разниться. Так, может быть, связь между религией и этическими нормами – это так называемая (в психологии и антропологии) рационализация, подведение ситуативной базы под нравственные императивы, которые имелись бы у нас независимо от религии? То же самое относится и к взаимосвязям между общественным устройством и религией. В любом обществе имеются предписания, поддерживающие общественный порядок, однако религиозные убеждения в этих обществах могут быть совершенно разными. А значит, связь не так уж очевидна. Можно, конечно, отвести эти сомнения и заявить, что главное – сам факт наличия в этих обществах какой-то религии, поддерживающей порядок и этические нормы. И тогда на первый план выходят общепринятые, встречающиеся в большинстве религиозных учений постулаты, подкрепляющие общественный строй и нормы. Но каковы эти общепринятые постулаты?

Связь между религией и гнетом европейцам, вероятно, знакома больше остальным, поскольку история Европы – это история долгой и напряженной борьбы между церковью и светским обществом. Однако нам подобной этноцентрической предвзятости допускать нельзя.

Далеко не везде в мире существовали санкционированные официальной церковью авторитарные правления. (Даже в Европе при некоторых режимах церковь, наоборот, становилась единственным прибежищем от произвола властей.) В общем и целом связью между религиозными убеждениями, церковью и государством нельзя объяснить поразительно схожие концепции, наблюдаемые в тех местах, где нет ни церкви, ни государства. Эти концепции уходят корнями в глубокое прошлое, в те времена, когда подобных институтов просто не существовало. Таким образом, у нас появляется еще ряд важных вопросов, которые должна затронуть достойная теория религии. Однако ответы на них лежат далеко не на поверхности.

Религия и общественное сознание

Социальные гипотезы – это пример так называемого функционализма, подразумевающего, что определенные убеждения, практики или концепции обеспечивают функционирование определенных социальных отношений. Представьте, например, группу людей, которым нужно спланировать и организовать предстоящую охоту. Поскольку им нужно учесть множество переменных факторов и у каждого имеется собственное мнение насчет того, куда и когда идти, без противоречий и споров не обойтись. В некоторых племенах выбор места для охоты определяется гадательным ритуалом: курице отрубает голову и идут в том направлении, куда кинется обезглавленная тушка. Раз эти верования, ритуалы и нормы помогают решить проблему, значит, именно поэтому их и придумали или именно поэтому их придумывают заново и принимают, скажет функционалист. Иными словами, общественные институты существуют, и люди подчиняются им, поскольку те выполняют определенные функции. У религиозных представлений тоже есть некая функция, поэтому они нам и нужны. Определите функцию – и все станет ясно. Религия в обществе существует, поскольку ему необходим некий сплачивающий механизм. Если посредством ритуалов не напоминать членам общества, что они выступают частью единого целого, социальные группы распадутся.

От подобного функционализма антропологи отказались где-то в 1960-х. Один из ощутимых его изъянов: он не принимал во внимание многочисленные контрпримеры социальных институтов, не имеющих четко обозначенной функции. Хорошо говорить, что центральная власть эффективна для разрешения конфликтов, но как тогда быть с племенами, где вожди, наоборот, только разжигают конфликты и рознь? Разумеется, антропологи-функционалисты попытались и под этот факт подвести рациональную базу, однако тут подоспела новая претензия со стороны критиков. Функционалистов обвинили в том, что они подгоняют данные под результат. При желании какую-то социальную функцию можно придумать любому культурному институту. Третья претензия состояла в том, что функционалисты норовили изобразить общество как единый слаженный организм, где каждая часть выполняет некую полезную функцию. Однако мы прекрасно знаем, что редкое человеческое общество обходится без раскола, вражды, конфликта интересов и т. п.⁸

В студенческие годы эти претензии казались мне не особенно убедительными. Да, существующие функционалистские доводы были далеки от идеала, но это не давало повода отказываться от общей логики рассуждений. Функционализм зарекомендовал себя в эволюционной биологии как проверенный метод. Первый вопрос, которым задается биолог, сталкиваясь с неизвестным до того органом или поведением: какова его функция в организме? Какое преимущество он несет в плане распространения генов, ответственных за его появление? Как этот орган или модель поведения развились из своих предшественников? Сейчас этот метод называется обратным конструированием: представьте, что вам выдали сложный механизм, который вы прежде никогда не видели. Единственный способ разобраться, как он устроен, – догадаться, для чего предназначены его составляющие и какую функцию они должны выполнять. Разумеется, догадки могут увести вас по заведомо ложному следу: фигурка на капоте автомобиля, например, никак не способствует его движению. Идея не в том, что обратного конструирования *достаточно* для установления истины, а в том, что оно для этого *необходимо*. А значит, функционализм можно брать на вооружение, по крайней мере как отправную точку для теории религии. Если у людей по всему миру имеются религиозные представления и религиозные обряды, если стержнем для многих сообществ выступают общие верования, логично задаться

⁸ Антропологический функционализм: Stocking, 1984.

вопросом, какую роль играет вера в функционировании общества. Как она формирует, меняет или подрывает общественные отношения?

Эти вопросы указывают на главный недостаток классического функционализма и истинную причину, по которой он изжил себя в антропологии. Он исходил из того, что общественные институты необходимы для функционирования общества, однако не объяснял, каким образом и зачем отдельные люди участвуют в обеспечении этого функционирования. Представим, например, что коллективное совершение религиозных обрядов – это действительно цементирующий общество раствор. Какой стимул у людей участвовать в обрядах? Может быть, у них есть занятия получше? Напрашивается предположение, что нежелающих склоняют к участию другие члены общества. Однако это предположение лишь рождает новые вопросы. Что движет этими другими, зачем им насаждать коллективизм? Даже если для общества коллективизм – благо, люди могли бы решить, что индивидуализм (пользоваться благами, ничего не отдавая взамен) им лично выгоден куда больше. Классические функционалистские гипотезы не в силах объяснить, каким образом и зачем люди вовлекаются во все то, что связует членов общества.

Ответов на эти вопросы антропологи не находили, пока не начали серьезнее относиться к тому, что человек по природе своей социален. Из этого следует, что мы не просто отдельные особи, которые сбились в группы и пытаются справиться с закономерно возникающими проблемами. Наше психическое устройство предполагает особые эмоции и особый образ мышления, предназначенные для жизни в обществе. Причем не просто в обществе, а в обществе с определенными взаимоотношениями, которые складываются между людьми. У многих животных социальные взаимоотношения тоже достаточно сложны, однако у каждого вида существуют собственные специфические предрасположенности. Нелюдимых орангутангов не перевоспитаешь в общительных шимпанзе, а из ловеласов шимпанзе не сделаешь однолюб-гibbonов. У человека социальная жизнь, конечно, сложнее, чем у обезьян, но это значит, что и социальные установки у него тоже сложнее. В человеческом мозге заложено и то, что эволюционные биологи называют особой формой «социального интеллекта» или «социального мышления».

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ 3: РЕЛИГИЯ, НРАВСТВЕННЫЕ НОРМЫ И ОБЩЕСТВО

- Религию не получается объяснить необходимостью связывать общество воедино или поддерживать нравственные нормы, поскольку эти задачи не требуют создания особых институтов.
- Социальное взаимодействие и нравственность действительно играют важную роль в возникновении у нас религиозных убеждений и в их влиянии на поведение.
- Шаг в сторону. Изучение социального интеллекта может прояснить, откуда у людей берутся определенные ожидания насчет жизни в обществе и нравственных норм и как эти ожидания связаны с представлениями о сверхъестественном.

Изучение социального интеллекта антропологами, биологами-эволюционистами и психологами открывает нам новые перспективы в изучении связи между религией и социальной жизнью. Возьмем, например, нравственные нормы. В одних местах считается, что боги установили законы, по которым людям положено жить. В других – что боги и предки попросту наблюдают за людьми и карают за проступки. Но в обоих случаях в сознании людей существует связь между этическими установками (интуитивные догадки, ощущения и суждения о том, что приемлемо, а что нет) и сверхъестественными сущностями (богами, предками, духами). Судя

по всему, вольтеровская логика (бог полезен, поскольку человек будет повиноваться из страха перед ним) в корне неверна. Наличие представления о богах и духах делает этические нормы не более суровыми, а более доступными для восприятия. А значит, боги нам нужны не потому, что они служат «цементирующим раствором», а потому (среди прочего), что у нас имеется ментальный аппарат, благодаря которому становится возможным существование общества, но при этом мы не всегда понимаем, как оно функционирует.

Сон разума. Религия как иллюзия

И наконец, последняя категория гипотез. Объяснять религию как следствие изъяна в мыслительном процессе – традиция давняя и почетная. Суть этой гипотезы такова: люди не дают себе труда задуматься, поэтому забивают голову всякими суевериями. Иными словами, религия существует, потому что человек принимает недостаточно профилактических мер против появления верований.

- *Люди суеверны, они поверят во что угодно.* Человеку свойственно верить в рассказы о странных, противоречащих здравому смыслу явлениях. Взять, к примеру, интерес к НЛО, не сравнимый с интересом к официальной космологии, к алхимии в противовес химии и к городским легендам в противовес политическим новостям. Религиозные представления одновременно несложны и сенсационны, они легко усваиваются и будоражат умы.

- *Религиозные догмы неопровержимы.* Большинство неверных или невнятных утверждений легко опровергнуть логическими доводами, с религией же дело обстоит иначе. Она неизменно описывает процессы и действующие силы, чье существование не поддается проверке, поэтому не подлежит опровержению. А поскольку большинство религиозных установок не опровергнуто, люди продолжают в них верить.

- *Опровергнуть труднее, чем верить.* Переосмыслить и подвергнуть критике существующие установки куда сложнее, чем принять как данность. Кроме того, в большинстве культурных областей мы просто перенимаем представления окружающих – и религия не исключение. Если все кругом признают существование невидимых усопших и ведут себя соответственно, проверить и оспорить эти утверждения гораздо труднее, чем согласиться с ними.

Ни один из этих доводов меня не устраивает. Нет, ложными их не назовешь, – религиозные догмы действительно не поддаются проверке; человек и вправду падок на сверхъестественное больше, чем на истории из обычной жизни, и, как правило, не особенно склонен подвергать вдумчивому анализу каждую крупницу полученной культурной информации. Однако это все равно не объясняет, почему у людей возникают именно такие представления, верования и эмоции. Да, мы и в самом деле зачастую наивны и суеверны, но... наивны мы не во всем. Человеку, в отличие от кэрролловской Белой Королевы, не свойственна привычка «поверить в шесть невозможных вещей до завтрака». Религиозные догмы неопровержимы, но ничуть не более других фантастических утверждений, не имеющих отношения к религии. Что мешает мне заявить, будто моя левая рука сделана из зеленого сыра, но это свойство пропадает под чужими взглядами? Что Господь прекращает существование каждую среду, что машины испытывают жажду, когда заканчивается бензин, или что кошки думают по-немецки? Подобные занятные и совершенно неопровержимые заявления можно порождать сотнями, простор для воображения тут бесконечный. Версия о «легковерности» людей охватывает не только существующие религиозные убеждения, но и концепции, которые никому никогда и в голову не приходили.

Религия не та область, где сойдет что угодно, где получит право на жизнь и будет передаваться из поколения в поколение любой выверт сознания. Наоборот, там имеется ограниченный набор сверхъестественных представлений, с которыми я вас познакомлю во второй главе. Даже не очень хорошо разбираясь в религиозных системах других народов и культур, мы все видим, что некоторые представления распространены шире других. Незримо присутствующие где-то рядом души усопших – достаточно популярная идея, а вот перемещающиеся ночью с места на место органы человеческого тела – довольно редкая. При этом обе одинаково неопровержимы. Таким образом, выяснить нужно не столько, почему человек приемлет представления о сверхъестественном, не имеющие убедительного доказательства, сколько, почему

он приемлет именно эти представления, а не гипотетические другие. Кроме того, необходимо разобраться, почему человек настолько избирателен в верованиях, которые в итоге соблюдает.

В принципе, от гипотезы наивности и легковёрности пора отказаться вовсе – и вот почему: она исходит из того, что человек по той или иной причине ослабляет привычные критерии истинности. Противник религии скажет, что она (религия) существует, потому что люди по природе своей доверчивы, преклоняются перед навязанными авторитетами, слишком ленивы, чтобы мыслить самостоятельно, и т. п. Сторонник религии скажет, что верующий открывается идеям, находящимся вне компетенции разума. В любом случае данная гипотеза предполагает, что человек сначала «открывается», а потом позволяет вложить в свое сознание те религиозные представления, которые угодны тому, кто в данный момент выступает для него авторитетом. Именно так мы зачастую представляем себе процесс формирования религиозных убеждений. Как будто в сознании имеется некий привратник, впускающий или прогоняющий случайных гостей – чужие убеждения и верования. Если привратник распахивает дверь, гости устраиваются со всеми удобствами и чувствуют себя как дома.

Современные представления о когнитивных процессах позволяют предположить, что гипотеза эта нас только дезориентирует. Человек получает массу информации из самых разных источников, и вся она каким-то образом отражается в сознании. Все, что мы слышим и видим, воспринимается, интерпретируется, объясняется и фиксируется различными системами анализа, о которых я говорил выше. Каждая крупинка информации служит пищей для психических процессов, однако некоторые из этих крупинц оставляют отпечаток, который мы классифицируем как «верование». То есть человек извлекает данную крупинку из памяти и использует для объяснения или толкования определенных явлений: она может вызывать определенные эмоции, он может руководствоваться ею в своих поступках. Заметьте, я говорю «некоторые» крупинцы, не все подряд. Тут-то и происходит отбор. По причинам, которые должна объяснить психология религии, одни крупинцы такое воздействие оказывают, другие нет. Кроме того, крупинка, воздействующая на одних, не обязательно воздействует на других. Следовательно, верования существуют не потому, что человек каким-то образом раскрывается им навстречу, а потом усваивает предлагаемый материал. Верования существуют потому, что среди предлагаемого материала попадает нечто, оказывающее именно такое воздействие.

Это важное наблюдение, поскольку оно полностью меняет наш подход к объяснению религии. Пока мы считаем, что человек сперва «распахивает двери», а потом впускает «гостей», выяснить, почему религия неизменно обращается к одним и тем же повторяющимся темам, нам не удастся. Если процесс передачи состоит исключительно в принятии, почему мы наблюдаем такой скудный набор повторяющихся тем? Если же взглянуть на процесс с противоположной стороны, можно оттолкнуться от воздействия представлений на сознание и разобраться, почему какие-то из них становятся настолько убедительными, что люди в них «веруют». По моему мнению, не религия существует постольку, поскольку человек ослабляет обычно строгие критерии истинности и принимает сверхъестественные утверждения, а критерии ослабляются постольку, поскольку определенные сверхъестественные утверждения заведомо представляются ему вполне правдоподобными.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ 4: РЕЛИГИЯ И ЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

- «Сон разума» не объясняет существование религии. Гипотетические неподтверждаемые заявления бесконечны, а число вопросов, охватываемых религией, невелико.

- Вера – это не пассивное принятие чужих утверждений. Человек ослабляет критерии истинности, потому что определенные идеи заведомо воспринимаются им как правдоподобные, а не наоборот.
- Шаг в сторону. Нужно разобраться, откуда возникает избирательность человеческого восприятия в отношении того, какие идеи считать правдоподобными.

Зайти с другой стороны

На этом обзор, пожалуй, пора заканчивать. В принципе, продолжать можно еще долго, поскольку различных гипотез философы, психологи и историки успели выдвинуть много. Однако обсуждать их уже почти нет смысла, поскольку слабые места у большинства теорий происхождения религии одни и те же. Если религия утешает, почему она сама и создает большинство страхов, от которых потом лечит? Если она объясняет устройство мира, то почему в таких замысловатых фантастических конструкциях? Почему вместо бесконечного множества неопровержимых идей она опирается на узкий круг повторяющихся тем? Почему она так тесно связана с вопросами морали и нравственности, если на самом деле нравственных норм не создает? Как я уже несколько раз говорил, нечего и пытаться объяснить религию по наитию, фантазируя на тему того, как работает человеческое сознание. Невозможно исходить из постулата, что религия удовлетворяет некие интеллектуальные или эмоциональные потребности, если наличие этих потребностей под вопросом. Невозможно также отталкиваться от того, что религия что-то человеку обещает, если во многих сообществах она никакими обещаниями не занимается. Наконец, невозможно сбрасывать со счетов антропологические данные о разных религиях и данные психологии об умственных процессах. («Невозможно» в данном случае означает «не следует», так как ничто не мешает нам делать это, чем мы постоянно и занимаемся.) Получается, что дать общее объяснение религии крайне затруднительно. Однако обзор существующих теорий помогает понять, что есть и другой путь, и при рассмотрении каждой из гипотез мы его наметили.

Основной недостаток этих интуитивных гипотез кроется как раз в допущении, будто можно объяснить происхождение религии, вычленив какую-то отдельную проблему, идею, чувство, и из него вывести всю совокупность того, что мы называем религией. Интуитивные гипотезы призваны проследить путь от единичного (происхождение религии) к множественному (нынешнее разнообразие религиозных представлений). Вполне естественно, учитывая, что именно это мы обычно и подразумеваем под происхождением и истоками. Геометрия обязана своим появлением землепользованию и проблемам межевания. Арифметика и теория чисел – задачам учета и отчетности, которые ставит централизация сельского хозяйства. Логично предположить, что тот же сценарий действителен и для явлений культурного порядка.

Но мы можем – и должны – подойти к проблеме с противоположной стороны. То есть, по сути, перевернуть все теории происхождения «с ног на голову», и тогда станет очевидно, что существующее сегодня разнообразие форм религии появилось в результате не расширения, а, наоборот, постоянного сокращения. Известные нам сегодня религиозные идеи – победители естественного отбора среди огромного множества других вариантов. Антропологи объясняют происхождение многих культурных феноменов, в том числе и религии, двигаясь не от единичного к множеству, а от огромного множества к гораздо меньшему – от многообразия постоянно порождаемых нашим сознанием вариантов к сокращенному набору тех, что способны передаваться другим и укореняться в обществе. Чтобы разобраться в религии, необходимо объяснить, как человеческое сознание, постоянно сталкивающееся с бесконечным разнообразием потенциального «религиозного материала», непрерывно это разнообразие сокращает.

Концепции в сознании формируются в ходе восприятия поступков и высказываний других людей. Только не стоит представлять себе процесс усвоения как банальное «перекачивание» идей из одного сознания в другое. Человеческий разум постоянно реконструирует, искажает, изменяет и обрабатывает поступающую от других информацию. В результате естественным образом рождается бесконечное разнообразие религиозных – и не религиозных – представлений. Однако дальнейшая их судьба складывается по-разному. Большинство задерживается в сознании всего на долю секунды, какие-то живут чуть дольше, но их нелегко сфор-

мулировать и передать другому. Еще меньшее количество откладывается в памяти, передается другим, но эти другие с легкостью их забывают. И наконец, крайне малое число удерживается в памяти, передается другим, запоминается ими и передается дальше почти без искажений. Именно их мы и наблюдаем затем как культурный феномен.

Итак, мы прекращаем искать истоки религии, то есть конкретный момент времени (сколь угодно давний), когда человек создал религию на пустом месте. Все сценарии, по которым люди садятся в кружок и «изобретают религию», сомнительны. Даже те, по которым религия постепенно формируется из хаоса идей. В последующих главах я покажу, как религия развивается («возникает», если хотите) из отбора концепций и воспоминаний. Значит ли это, что в какой-то исторический момент у людей имелось множество возможных разновидностей религии и какая-то из них оказалась более успешной? Ни в коем случае. Это значит, что *всегда и во все времена* в индивидуальном сознании возникали и возникают бесчисленные варианты религиозных представлений. Не все из них одинаково пригодны, чтобы передаваться в качестве культурной информации. Культурный феномен, как мы привыкли его понимать, есть результат постоянно и повсеместно ведущегося отбора.

Утверждение, на первый взгляд, парадоксальное. В самом деле: если вы протестант, вы ходили в воскресную школу, то у вас имеется совершенно определенный источник религиозного образования. Точно так же мусульманские медресе и изучение Талмуда и Торы у иудеев приобщают человека к одной определенной религии. У нас не возникает ощущения религиозного супермаркета, где полки ломаются от альтернативных концепций. Тем не менее отбор, о котором я веду речь, происходит в сознании почти каждого человека. В последующих главах я покажу, как возникают и постоянно отбрасываются варианты религиозных понятий. Этот процесс протекает – совершенно незаметно – в областях сознания, недоступных для самонаблюдения. Без экспериментальных ресурсов когнитивистики ни наблюдать, ни объяснить эти процессы не получится.

Культура как мемы

Представление о том, что культурные феномены – это либо осадок, либо предвестие множества индивидуальных случаев передачи культурных ценностей, не ново. Однако особенно оно окрепло с развитием инструментария формальной математики, описывающего культурное наследование. До тех пор перед антропологами стояла серьезная проблема: при описании культуры они чаще всего оперировали «обширными» понятиями – «американский фундаментализм», «иудаизм», «китайские нравственные ценности» и т. п. По поводу этих обобщенных понятий антропология и история могли делать массу важных заявлений (например, «в Европе XVIII в. авторитет религии пошатнулся в результате научно-технического прогресса»), однако они очень отдаленно описывали происходящее «у корней», в жизни отдельного человека. Человек ведь взаимодействует не с абстрактными понятиями вроде авторитета религии или научно-технического прогресса, а с отдельными людьми и материальными объектами. Сложность заключалась в том, чтобы сопоставить эти два уровня и описать, как происходящее «в низах» ведет к устойчивым явлениям и переменам на уровне народов.

Ряд антропологов и биологов (в том числе Ч. Ламсден, Э. Уилсон, Р. Бойд, П. Ричерсон, Л. Кавалли-Сфорца, М. Фельдман, У. Дарем) приблизительно в одно и то же время предположили, что культурное наследование можно описать так же, как и генетическое. Эволюционная биология собрала впечатляющий математический инструментарий, позволяющий рассмотреть, как определенный ген распространяется в популяции, при каких условиях он «вытесняется» другими вариантами, до какой степени гены, пагубные для организма, все равно могут передаваться внутри популяции, и т. д. Оставалось экстраполировать эти механизмы передачи на элементы культуры и поведение.⁹

⁹ Культура как дифференциальная передача мемов: Cavalli-Sforza and Feldman, 1981; Lumsden and Wilson, 1981; Durham, 1991; Dawkins, 1976.

Инструментарий 1: культура как мемы

Уравнения популяционной генетики – абстрактные инструменты, которые можно применять не только к генам, но и к любой другой области, где имеются: а) набор единиц; б) изменения, порождающие разные вариации этих единиц; и в) механизм передачи, выбирающий из нескольких вариаций. В культурном наследовании мы тоже имеем дело с определенным набором понятий и ценностей (это будет аналог генов). Они существуют в разных вариациях, которые транслируются людям, воспитывающимся в определенном сообществе (это аналог репродукции). У этих внутренних состояний имеется внешнее выражение, поскольку человек руководствуется этими понятиями и ценностями в своих поступках (точно так же гены проявляются в фенотипе). После ряда циклов передачи начинают вырабатываться определенные перекосы – из-за накапливающихся искажений (информация передается не со стопроцентной точностью) и предвзятости передачи (какую-то часть информации люди усваивают и хранят лучше).

Биолог Ричард Докинз суммировал этот принцип, описав культуру как популяцию мемов – самокопирующихся репликаторов, аналогичных генам. Гены выстраивают организмы, поведение которых позволяет им реплицироваться, – иначе означенные гены уже прекратили бы существование. Мемы – это единицы культурной информации: понятия, ценности, истории и т. п., подвигающие человека на то, чтобы говорить или действовать определенным образом, который, в свою очередь, побуждает других хранить в памяти «реплицированную» версию этих мысленных единиц. Анекдот или музыкальный хит – типичные примеры таких самокопирующихся программ. Достаточно один раз услышать их, чтобы они отложились в памяти, спровоцировали некое поведение (рассказать или напеть), в результате чего анекдот или мелодия отпечатываются в памяти других людей, и т. д. На самом деле попытка описать большинство культурных феноменов через мемы и передачу мемов вовсе не так прямолинейна и бесхитростна, как может показаться: она важна для нас, поскольку переворачивает некоторые глубоко укоренившиеся представления о культуре, на которых я сейчас остановлюсь подробнее.

Во-первых, мем-модели ставят под сомнение идею культуры как некой абстракции, не зависящей от индивидуальных концепций и норм, «общих» для разных людей. Параллель с генами наглядно показывает, почему это ошибочно. У меня, как и у многих других, голубые глаза. Но мои гены не находятся в организмах этих других, а их гены – в моем. Гены надежно упакованы в наших собственных, личных клетках. Называть их «общими» значило бы притягивать за уши ложную метафору. Мы можем утверждать лишь, что унаследованные мной гены схожи с генами других людей с точки зрения их воздействия на цвет глаз. Вот и культура означает лишь сходство. Называя что-то элементом культуры, мы подразумеваем лишь, что оно примерно схоже с наблюдаемым у других участников определенной рассматриваемой группы и отлично от того, что мы наблюдаем у представителей антагонистичной группы. Поэтому было бы заблуждением называть культуру общей или совместной, как собственность. Если у меня и у вас в кошельке оказалась абсолютно одинаковая сумма денег, это еще не значит, что мы владеем ими сообща!

Во-вторых, если культура – это сходство человеческих идей, заявлять, что «американская культура делает упор на личные достижения» или «китайская культура больше значения придает гармонии в коллективе» в корне ошибочно. Из таких заявлений закономерно вытекает, что «многие американцы были бы не против расслабиться, но менталитет требует рваться к победе» или «многие китайцы были бы не против проявить себя, но менталитет требует не

отрываться от коллектива». Мы описываем культуру как некую внешнюю силу, толкающую человека в том или ином направлении. Непонятно. Как может сходство служить побуждением? Никакой внешней силы в нем нет. Если человек ощущает конфликт между своим намерением и нормой, которой следуют окружающие, конфликт этот существует исключительно в его сознании. Если американскому ребенку тяжело справиться с установкой «американские дети должны уметь конкурировать», то лишь потому, что установка эта у него уже имеется, она ему уже внушена (возможно, к его большому неудовольствию). Но все это происходит внутри сознания.

В-третьих, понимание того, что культура – это сходство, помогает не забывать, что два объекта схожи лишь *в каком-то определенном аспекте*. Голубые глаза придают мне сходство с одними людьми, близорукость – с другими. Перенесем это на культуру. Обычно мы говорим о той или иной культуре обобщенно: «китайская культура», «культура йоруба», «британская культура» и т. д. Что здесь не так? Термин «культурный» маркирует определенное сходство между теми проявлениями, которые мы отмечаем у представителей той или иной группы. А значит, вроде бы можно провести антропологическую полевую работу или наблюдения в том или ином сообществе (например, среди американцев или йоруба) и объявить обнаруженные в конкретном сообществе свойства присущими всей американской культуре (или культуре йоруба). А почему мы в принципе классифицируем американцев или йоруба как группу? Давайте сравним с биологическими видами: нам ведь ничто не мешает сравнивать баклажаны с кабачками, а ослов с зебрами. Под этими названиями скрываются естественные биологические виды растений и животных. Однако у человека никаких естественных биологических группировок нет. Нам кажется логичным сравнивать американцев с йоруба, потому что существует народ йоруба и американский народ (граждане США). Но ведь это исторически сложившиеся, рукотворные объединения, не основанные ни на каком биологическом сходстве. Если взглянуть на поведение и установки в каждой из означенных групп, мы увидим, что многие из поступков и мыслей свойственны не только им. Многие этические нормы и представления американских фермеров характерны в первую очередь для фермеров, а не для американцев. Многие этические нормы и представления коммерсантов йоруба характерны скорее для коммерсантов, чем для йоруба. Этим подтверждаются давние подозрения антропологов: объединение людей в группы для межкультурного сравнения происходит не по биологическим или научным принципам, а по политическим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.